

Война рождает героев.

(Рождественский рассказ).

— Мы сами тоже, промежду прочимъ, очень даже превосходно повимаемъ, кому нужна эта самая война. Послушай-бы ты, что говорятъ разные образованные народы насчетъ нынѣшнихъ кровопролитіевъ.

— Что говорятъ образованные народы? Говорятъ всё въ одинъ голосъ, что ты дуракъ и больше ничего.

— Ну, ты не больно, и мы тоже, промежду прочимъ..

— Знаешь ты только свое «мы тоже», да «промежду прочимъ», да про войну дурацкія рѣчи брешешь, больше и нѣтъ отъ тебя никакаго толку.

Этотъ интересный діалогъ, прервавшій перейти, какъ это было уже не разъ, въ настоящую ругань съ крѣпкими словечками, былъ прерванъ появленіемъ третьяго лица: въ церковную сторожку, гдѣ препирались церковные сторожа, вошелъ батюшка. При его входѣ говорившіе замолчали, поднялись со своихъ мѣстъ и подошли подъ благословеніе.

— Опять про войну чтонибудь неладное говоришь, Кузьма,— строго обратился батюшка къ вольнодумцу:— слышай я, какъ входилъ, что говорилъ тебѣ Панкратій.

— Да что, батюшка,— началъ Панкратій:— городить Кузьма совсѣмъ неподобающія рѣчи и слушай тошно: слышь, войну затѣяли господа разные, чтобы карманы-де себѣ набить, а нашъ-де братъ кровь за нихъ проливай.

— Ой, нехорошо, Кузьма!— укоризненно-строго говоритъ батюшка:— и откуда только набрался ты такого духу?

— Я что же, я ничего, батюшка, — хотя, промежду прочимъ...

— Ну, ладно ты! слышала я уже не разъ. Языкъ то безъ костей, за глаза и Царя ругаютъ. Худо то, что изъ тебя плохой солдатъ выйдетъ, а слышно, что скоро будетъ новый наборъ ратниковъ, попадешь и ты.

— Ну? правда? — встрепенулся, замѣтно поблѣднѣвъ, флегматичный Кузьма.

— Вѣрно. Въ волости говорили. Ждутъ телеграммы.

— Меня не возьмутъ: у меня грыжа и стрѣльба въ ухъ. Дастъ докторъ бумагу, ну и ослобонятъ.

— Нѣтъ, братъ, на это нынче не смотрятъ: заберутъ и съ грыжей, и со стрѣльбой, за милую душу.

— Не возьмутъ! — совсѣмъ ободрился Кузьма. — А ужъ ежели возьмутъ, такъ что же? Пойду не я первый, не я послѣдній.

Черезъ недѣлю дѣйствительно былъ объявленъ наборъ. Попалъ у нашъ вольнодумецъ Кузьма. Онъ былъ вдовый, бездѣтныи мужичекъ, «никчemuшный», бобыль, шатавшійся, когда былъ помоложе, по всей матушкѣ-Россіи. Работалъ онъ больше языкомъ, чѣмъ руками, и всю сторожевскую службу собственно несъ его товарищъ Панкратій — мужикъ основательный и серьезный.

Защемило у Кузьмы сердце. Брелся онъ къ доктору чтобы получить свидѣтельство о болѣзни, но никакой болѣзни, разумѣется, неказалось.

— Какой это докторъ, — ворчить Кузьма: — не нашель во мнѣ грыжи, когда она такъ и ходитъ по всему тѣлу. На комиссіи, небось, не такіе доктора, тамъ только взглянуть, сразу угадають всякую болѣсть.

Наступилъ день отъѣзда. Батюшка благословилъ Кузьму далъ ему на дорогу цѣлковый и сказалъ: «смогри, братъ, служи Царю и Отечеству вѣрой и правдой, да языкъ зря не распускай, а то наживешь бѣды». Кузьма поблагодарилъ за подарокъ и наставленіе (которое, впрочемъ, тутъ же забылъ) сказалъ, выйдя за ворота: «послужимъ какъ же». . и отправился въ сторожку прощаться съ Панкратомъ.

— Что же, — говоритъ Кузьма товарищу: — пойдемъ и мы

на войну и мы промежду прочимъ не откажемся пролить кровь, а то и головушку положить за разныхъ тамъ господъ...

— Тыфу ты! — отплынулся Панкратъ. — И что это за непугевиый человекъ такой!

Однако, не взирая на несходство мнѣній по вопросамъ вѣшной политики, Панкратъ все же пошелъ проводить товарища за околицу.

Кузьма все «хорохорился», не показывая и вида, что ему тяжело, но когда сѣлъ въ телѣгу, то не выдержалъ, заплакалъ. Заплакалъ оттого, что вотъ-де я одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ, некому меня проводить на смертоубійственную войну, некому поплакать... Провожалъ его, дѣйствительно, только одинъ Панкратъ.

Правъ оказался батюшка: ни на грыжу, ни на стрѣльбу въ ухахъ въ комиссії не обратили никакого вниманія, правъ и въ томъ, что изъ Кузьмы вышелъ плохой воинъ. Строевое ученіе ему не давалось. Ужъ сколько разъ кричалъ на него фельдфебель, обзывая его и чучеломъ, и бабой, и дубиной. Неприятно было выслушивать такіе эпитеты, и старался Кузьма, но не давался ему строй и кончено. Плохо совѣмъ дѣло. А тутъ еще ротные зубоскалы издѣваются. Однажды, когда рота стояла «вельно», взводный острословъ и говорить: «не солдатъ ты, Гвоздевъ (фамилія Кузьмы) и не баба, а такъ себѣ, «промежду прочимъ». Взрывъ хохота встрѣтилъ удачное острое слово, и прозвище «промежду прочимъ» твердо установилось за Кузьмою Гвоздевымъ.

Такъ и не выработалось изъ Кузьмы пѣхотинца. Уваленъ да и только. Маршируетъ и дѣлаетъ ружейные приемы съ граціей медвѣдя.

Отчислили Гвоздева отъ роты и перевели въ пулеметную команду. Хотя прозвище перешло за нимъ и сюда, но здѣсь оно ужъ не имѣло такого злостнаго характера: Гвоздевъ, какъ пулеметчикъ, обнаружилъ изумительный галантъ. Всю пулеметную науку онъ постигъ въ совершенствѣ менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли и заслужилъ лестную похвалу начальства. Свой пулеметъ онъ полюбилъ, какъ родного сына, и хвалилъ его такъ, что каждый винтикъ блестѣлъ и отливался золотомъ и серебромъ.

Свои вольныя мысли о причинахъ войны Кузьма оставилъ съ первыхъ же дней солдатской жизни. Въ началѣ онъ начиналъ было высказывать товарищамъ свое обычное: «знаемъ и мы тоже»... но сразу встрѣтилъ дружный и сильный отпоръ, иные даже неподдѣльно возмутились, а колкія насмѣшки такъ и посыпались на бѣднаго вольнодумца. Теперь въ пулеметной ротѣ, Кузьма ужъ не заикался высказывать своихъ мнѣній, старался избѣгать, боясь насмѣшекъ товарищей, и своего «промежду прочимъ».

Два мѣсяца простояла пулеметная команда въ губернскомъ городѣ. Незадолго до Рождества вышелъ приказъ отправляться на позицію (описываемая правдивая исторія случилась въ прошломъ году).

Екнуло, замерло сердце у Гвоздева, когда онъ услышалъ странное слово: на позиціи. Опять загомозились въ головѣ прежнія мысли: зачѣмъ эта война? Зачѣмъ посылаютъ нашего брата подъ пули и ядра? Зачѣмъ? А страшно-то какъ, о, Господи!... Одно утѣшеніе: онъ стравится со своимъ любимымъ пулеметомъ, и ужъ если на то пошло, то и онъ Кузьма Антиповичъ Гвоздевъ, покажетъ, что и онъ не хуже другихъ, задастъ своимъ пулеметомъ хорошую встрепку проклятому нѣмцу.

Вотъ и позиціи. Издалека еще слышенъ гулъ палбы. Дрожить земля. Дрожить и замираетъ сердце у каждаго небстрѣленнаго воина, морозъ такъ и пробѣгаетъ по всему тѣлу, особенно когда усилится громъ канонады. Страшно!... Вѣдь можетъ быть, каждый изъ этихъ чужихъ, громоподобныхъ выстрѣловъ несетъ съ собою страшную смерть многимъ, и не только неприятелю, но и нашимъ братьямъ.

Пулеметы—вещь исключительно важная на войнѣ. Ни минуты не оставалась пулеметная команда въ тылу: сразу отправили ее въ передовые окопы, на участокъ, которому угрожало нападеніе врага и гдѣ былъ недостатокъ этого ужаснаго оружія.

Установили пулеметъ нашего Гвоздева. Установливаютъ а пули такъ и жужжатъ, такъ и свистятъ, пролетая поверху головъ, шлепаясь въ земляные окопы, ударяясь со звономъ въ пулеметный щитъ.

— Живѣе, живѣе, молодцы! — бодро покрикиваетъ молодой офицеръ.

— Рады стараться, ваше благородіе, — громко отвѣчаютъ солдаты.

Громче всѣхъ кричитъ Гвоздевъ, стараясь крикомъ подбодрить себя, побороть страхъ. А страхъ такъ и сжимаетъ сердце, леденитъ кровь, руки и ноги дрожать... «О, Господи, — шепчетъ Кузьма поблѣвшими губами: — смерть-то, вотъ она, о... Говорять: привыкнешь, ни въ жисть тутъ не привыкнешь» .

И стыдно ему предъ товарищами, которые ничѣмъ не обваруживали страха, еще болѣе стыдно предъ офицеромъ почти мальчикомъ, который чувствовалъ себя подъ пулями какъ дома.

Вотъ наконецъ установили пулеметъ. Скрыли за окопомъ. Теперь гораздо безопаснѣе. Оглегло отъ сердца и у нашего Кузьмы.

Приближалось Рождество. Стояли большіе морозы. Пулеметы работали, но мало, настоящаго дѣла еще не было. — Да и не будетъ, вѣроятно, говорили въ окопахъ, до весны, потому что какое же сраженіе въ такіе морозы?

Но задва дня до Рождества вдругъ потеплѣло, и неприятель сталъ проявлять усиленную дѣятельность, готовясь очевидно къ наступленію. Наши были на-чеку, готовые честь — честью встрѣтить врага.

Рано утромъ на сочельникъ загремѣла канонада, снаряды ревуть, стонуть, визжатъ, разрываются съ ужаснымъ грохотомъ, поднимая фонтаномъ снѣгъ, взрывая мерзлую землю... «И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ»... Неприятель открылъ такъ называемый ураганный огонь. По счастью, прицѣлъ былъ взятъ невѣрный, и смертоносные снаряды перелетали чрезъ окопы, не принося намъ существеннаго вреда.

Съ нашей стороны зорко смотрять въ темную даль, ожидая атаки неприятеля.

Гвоздевъ замеръ около своего пулемета. Холодная дрожь пронизываетъ все его тѣло, зубы выбиваютъ дробь... «Вотъ оно настоящее то когда начинается, думаетъ онъ: — подъ самое Рождество Христово... Правда-ли, что воиновъ ожидаютъ вѣнцы мученическіе?.. Господи, спаси, помилуй»...

Когда показались въ предрасвѣтномъ туманѣ первыя фигуры непріятели, въ душѣ Гвоздева какъ будто что-то обрвалось: весь страхъ его сразу исчезъ и уступилъ мѣсто какому-то странному спокойствію; безразличному отношенію ко всему окружающему, стало даже какъ будто весело. Онъ твердо и вѣрно рукою навелъ свое смертоносное орудіе, и началась кровавая жатва.

Градъ пуль роемъ свиститъ надъ пулеметчикомъ, разрываются снаряды, слышны стоны раненыхъ и предсмертный крикъ умирающихъ, но ничего не видитъ и не слышитъ Гвоздевъ, онъ весь ушелъ въ свою кровавую работу; не замѣчаетъ, что онъ одинъ уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ—разорвавшаяся вблизи шрапнель свалила всю прислугу, — видитъ только онъ то, какъ падаютъ германцы, сраженные имъ... Но видитъ и то, что болѣе и болѣе появляется сбрыхъ фигуръ въ блестящихъ каскахъ, все ближе и ближе они къ нашимъ окопамъ. Вотъ уже прорвали наши проводочныя загражденія...

— Ура!!!

И наши, съ ружьями на перевѣсь, бросились навстрѣчу врагу. Началась страшная штыковая схватка...

Остановилъ свою страшную работу Гвоздевъ, отеръ рукавомъ шинели съ лица холодный потъ. Смотритъ напряженно вперед: лихо работаютъ наши—не любятъ нѣмецъ русскаго штыка, но слишкомъ неравны силы при самой беззавѣтной храбрости и изумительномъ мужествѣ что можетъ сдѣлать одинъ баталіонъ противъ полка, правда, потрепаннаго, но все же полка? По меньшей мѣрѣ трое противъ одного.

И вотъ дрогнули наши, видя все увеличивающіеся ряды непріятели, раздался чей-то отчаянный крикъ: обходить!—и побѣжали...

Свѣта не взвидѣлъ Гвоздевъ, наблюдая эту страшную и позорную картину: видитъ онъ, какъ бѣгутъ наши что есть духу обратно, какъ иные бросаютъ винтовки и поднимаютъ руки, слышно, какъ кричатъ, останавливая бѣгущихъ, офицеры... Напрасно!

Позоръ!...

Мелькаетъ и у Кузьмы мимолетная мысль—бѣжать. Но жалко стало пулемета, какъ бросить, оставить въ добычу про-

клятому вѣмцу эту чудную «машину».. Нѣтъ и нѣтъ! Будь что будетъ!

А германцы вотъ уже въ 20 шагахъ отъ него, бѣгутъ можно уже различить потныя, измученныя но торжествующія фізіономіи враговъ.

— Радуются...— скрипнулъ зубами Гвоздевъ. — Погодите Вотъ вамъ...

И полился обильно стальной дождь въ упоръ на врага. Сразу свалилось человекъ двадцать, потомъ еще и еще... Остановились германцы, смѣшались... Ихъ поразилъ неожиданностью этотъ убійственный стальной дождь и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда они были увѣрены, что побѣда на ихъ сторонѣ.

Ура! — дикимъ, страшнымъ голосомъ вскрикиваетъ Гвоздевъ. — Ура! повторяетъ онъ, не помня себя, нѣсколько разъ.

Ура!!! — могучимъ эхомъ отзывается изъ нашихъ оконъ. Тамъ подошла резервная свѣжая рота, оправились и бѣглецы.

И опять выбѣжали наши, и опять началась кровавая штыковая схватка.

Но теперь уже не было никакого сомнѣнія, что нѣмцы не выдержатъ: слишкомъ стремителенъ былъ натискъ нашихъ на смѣшавшагося врага. Скоро нѣмцы беспорядочною толпою побѣжали назадъ. И ничто не могло остановить ихъ: даже пулеметы, направленные изъ своихъ же окоповъ въ лобъ бѣгущимъ, на обезумѣвшихъ нѣмцевъ, не остановили вражескіе пулеметы и нашихъ ободрившихся солдатиковъ — по пятамъ бѣгущихъ ворвались они въ германскіе окопы...

Не видитъ уже этой захватывающей картины пулеметчикъ Гвоздевъ, не слышитъ онъ побѣдныхъ криковъ: горячая пуля сразила героя, и лежитъ онъ, раскинувъ руки, около своего пулемета.

Очнулся онъ на другой день въ полевомъ лазаретѣ. Его привело въ себя пѣніе. Онъ вслушался. «Рождество Твое, Христе Боже нашъ»... пѣлъ хоръ.

— Рождество Христово сегодня, — прошепталъ раненый безкровными губами и, замѣтивъ на своей груди бѣленькій крестикъ, счастливо улыбнулся.

Потомъ глубоко вздохнулъ, вытянулся и уснулъ навѣки.
Вѣчная память герою!

Свящ. С. Васильевъ.